

UDK 821.163.41-13:398.09
821.163.42-13:398.09
821.161.1-14.09 Baljmont K. D.
https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2025.107.1

Константин Азадовский
Немецкая академия языка и литературы (Дармштадт)
azadovski@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2171-7011>

Konstantin Azadovsky
German Academy for Language and Literature (Darmstadt)
azadovski@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2171-7011>

ЮГОСЛАВЯНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ:
ИСТОРИЯ СБОРНИКА К. Д. БАЛЬМОНТА

SOUTHERN SLAVS' FOLK SONGS:
THE HISTORY OF THE COLLECTION BY K. D. BALMONT

Публикуемая статья посвящена переводу сербских и хорватских народных песен, выполненному К. Д. Бальмонтом в 1928–1931 гг. в период его наивысшего увлечения «славянской идеей» и поэзией славянских стран, в особенности, Болгарии, Сербии, Хорватии. Исследуется история перевода, оставшегося в машинописи, несмотря на все усилия поэта опубликовать его в белградском русском эмигрантском издательстве.

Ключевые слова: К. Д. Бальмонт, «славянское единство», И. С. Шайкович, сербский язык, А. И. Белич, былина, песня, «Русская библиотека».

The article deals with the collection of Serbian and Croatian folk songs translated by Konstantin Bal'mont in 1928–1930 at the period of his enthusiastic animation for the “Slavic idea” and the poetry of Slavic countries, especially Bulgaria, Serbia and Croatia. It highlights the story of Bal'monts translation remained as a typewritten script — despite all his efforts to publish it in the Belgrad émigré publishing house.

Key words: Konstantin Bal'mont, “Slavic unity”, Ivan Šaikovic, the Serbian language, Alexander Belih, epic and lyric folk songs, “The Russian Library”.

В 1920-е годы в Западной Европе, особенно в русской эмигрантской среде, возрождается и получает распространение идея славянского единения и «славянского братства», уходящая корнями в XIX век. Определяю-

щим для этого течения был и оставался тезис о едином геополитическом и культурно-историческом «славянском типе».

Призывы к культурному, экономическому и политическому сотрудничеству славянских народов, к единому «всеславянскому царству» воспринимаются в новых условиях как мощный противовес советскому большевизму, «пролетарскому интернационализму», евразийству и другим идейным движениям эпохи (см.: Волков 1999: 5–16).

Ревностным адептом «славянской идеи» был поэт К. Д. Бальмонт. Славянский «уклон» отличает его творчество уже в начале XX века, но в те годы поэта вдохновляли в первую очередь Россия и Польша, отчасти Литва. В поле его зрения находились и другие страны, например, Испания, на смену которой приходит увлечение «экзотикой» (Мексика, Египет, Океания, Япония). И, наконец, в середине 1920-х годов, внимание Бальмонта резко смещается в сторону западно- и южнославянского мира (Польша, Чехия, Сербия, Болгария и др.).

К «славянскому миру» Бальмонт причислял и Литву. В течение нескольких лет он изучал язык и культуру этой страны, переводил литовских поэтов. В сонете, озаглавленном «Слава Славянам», читаем:

Рус, Чех и Лях, и Серб — четыре брата;
Но между гор, полей, лесов, равнин,
Забуду ли в столетних мглах судьбин
Болгара и Словака, и Хорвата:
Я — Славянин, Моя душа богата.
И в ней мой прашур, сын лесов — Литвин.
Мой каждый брат — то вольный властелин,
то раб в цепях, их рвущий в час набата¹.

В 1926–1927 годах Бальмонт всецело посвящает себя переводам польских и чешских поэтов. В 1928 г. в Варшаве выходит переведенная им *Книга Смиренных Яна Каспровича* (с предисловием Бальмонта)²; в том же году — *Избранные стихи Я. Врхлицкого* в Праге. И приблизительно в то же время Бальмонт обращается к сербскохорватской и болгарской поэзии.

Сербский мотив звучал в поэзии Бальмонта еще в 1917 г. Наблюдая с глубокой болью «полный распад русского воинства»³, он публикует в московской газете стихотворение «К сербам. 17 сентября 1912 — 17 сентября 1917 г.» («Вы живы, сербские дружины...»)⁴. Спустя девять лет, в октябре

¹ *Последние новости*. № 1828, 25 марта 1926: 2; включено в очерк «Кроткий и смелый (Ян Рокита)». *Россия и славянство*. № 3, 15 декабря 1928: 3.

² Очерк Бальмонта о Каспровиче был издан также отдельным изданием (Balmont K. *Jan Kasprówicz: poeta duszy polskiej*. Czestochowa, 1928).

³ Из очерка Бальмонта «Лицо серба» (впервые: *Россия* (Белград). № 31, 17 ноября 1934: 1; специальный номер, посвященный памяти короля Александра). Дата написания очерка (первоначальная редакция) — 18 октября 1934 г.

⁴ *Утро России* (Москва). № 224, 17 сентября 1917: 1. Стихотворение навеяно событиями военного времени, прежде всего — расформированием Сербского добровольческого корпуса, сражавшегося в России.

1926 г. поэт возвращается к сербской теме: «...опять, душою, увидел лицо серба»⁵. Так родилось стихотворение «Серб» («Я бился. Я видел. Я помню. Я знаю...»)⁶.

Погружаясь в историю и культуру другой страны, русский поэт всегда уделял особое внимание искусству населяющего ее народа, прежде всего — словесному. Поэт-романтик, Бальмонт был убежден, что подлинная поэзия рождается из «первобытной» стихии, ритуально-магических обрядов и жреческих заклинаний (Бальмонт 1908). Почти в каждом народе он искал следы «естественного» бытия, близости к Природе, первозданности. Путешествуя по миру, тянулся к «туземцам» — людям, якобы переживающим (в отличие от испорченных цивилизацией «западных европейцев») «золотой век детства». Отсюда и стойкий интерес Бальмонта к этнографии и фольклору: мифы, магия, ворожба, заклинания и заговоры, гимны, предания и, конечно, песни — все это воспринималось поэтом как выражение «народной души».

«Народная Песня, — писал Бальмонт в 1908 году, — отражает народные свойства, душу целого Народа в его расовом единстве, без каких-либо классовых различий» (Бальмонт 1910: 161).

Все более вовлекаясь в 1920-е годы в славянскую тематику и расширяя область своих славистических занятий, Бальмонт открывает для себя и сербскую эпическую поэзию. Восхищаясь южнославянскими «песнями», прославляющими народных героев в их борьбе против турецкого владычества, поэт приступает к переводу их на русский язык.

Живя в те годы в небольших городках на юго-западном побережье Франции (Капбретон, Буска́ и др.), Бальмонт усиленно занимается славянскими языками, в том числе — сербским и хорватским. «Последние недели, — пишет он, например, своей приятельнице Людмиле Савицкой 28 января 1928 г., — вопреки занятости, я ухитрился, довольно причудливо, овладеть Сербским-Хорватским языком. Вот Вам три первые первинки моих гимназических успехов» (*Жила-была...* 2020: 303). К письму были приложены два перевода сербских песен: «Святой Савва»⁷ и «Смерть царевича Уроша»⁸. (Относительно третьей «первинки» сведений не имеется.)

В тот же день, 28 января, Бальмонт пишет своему давнему знакомому академику А. И. Беличу, возглавлявшему тогда в Белграде Комиссию по делам русских беженцев и Комитет русской культуры:

Посылаю Вам два первые свои перевода — перепева дивных Сербских⁹ песен «Святой Савва» и «Смерть царевича Уроша». Я нашел эти тексты

⁵ Из очерка «Лицо серба».

⁶ *Последние новости* (Париж). №2048, 31 октября 1926: 2.

⁷ *Последние новости*. №2493, 19 января 1928: 3.

⁸ *Последние новости*. №2496, 22 января 1928: 3.

⁹ В соответствии с традицией XIX в. и начала XX в. Бальмонт писал наиболее значимые слова (в частности, обозначения национальности, языка и т. д.) с заглавной буквы. Это написание сохраняется и в настоящей статье.

в книжечке — «Српске Народне Песме», Београд, 1924, — которую на время одолжила мне «Восточная Школа» в Париже. Мне очень хочется в совершенстве изучить Сербский язык и Сербскую Народную Поэзию. Я пытаюсь еще раз еще попросить Вас о высылке необходимых мне книг. Мне нужны:

1. Хороший Сербско-Русский словарь (если такого нет, то Сербско-Польский или Чешский, или Англ<ийский>, или Нем<ецкий>, и т. д.).
2. Собрание Сербских Былин (по-Сербски).
3. Собрание Сербских Сказок, Песен, Преданий. (По-Сербски).
4. Три-четыре книги изъяснительного характера. (На любом языке) (*От чужих к своим* 2016: 73).

«Очень увлекаюсь я сербскими песнями», — признается Бальмонт спустя месяц (28 февраля) в письме А. В. Амфитеатрову, прилагая к своему письму три перевода¹⁰ (Бальмонт 1992: 406).

Увлечшись в конце 1927 г. творчеством хорватского поэта Божо Ловрича, Бальмонт вступает с ним в переписку, переводит на русский язык несколько его стихотворений, в частности, — поэму *Бегство Льва Толстого*¹¹. «Боже Ловрич — хорват, — писал Бальмонт 16 февраля 1928 г. своей второй жене Е. А. Андреевой (в Москву). — Хорватский язык почти то же, что сербский. Сейчас я перечитываю драму Ловрича “Сын” (гениальную!), он ждет от меня предисловия к ней (напишу завтра ему)¹². Бальмонт посвятил Ловричу стихотворения «Брат братьев. Сербская быль»¹³ и «Певцу русского гения Божо Ловричу»¹⁴. Кроме того, он знакомил «хорватского побратима» со своими первыми опытами перевода сербской народной поэзии. «Шлю Вам две Сербские песни в моем переводе и прошлогодний стих “Серб”¹⁵», — пишет Бальмонт Ловричу 26 марта 1928 г. (Salzmann-Čelan 1979: 96). За этим посланием следуют вскоре пять других песен («Девическая клятва», «Несчастливая девушка», «Три птицы», «Брату зарукавье» и «Брату ли быть без сестры?») (Salzmann-Čelan 1979: 96–98).

Божо Ловрич, со своей стороны, переводил произведения Бальмонта, посвящал ему стихи и выступал со статьями о нем в периодической печати.

В течение всего 1928 года Бальмонт занимается языками, читает и переводит сербскую и хорватскую поэзию. Хорватский филолог, переводчик и театральная деятель Никола Андрич пересылает ему через Божо Ловрича собрание хорватских народных песен. «Это именно то, чего моя душа жаждет, — откликается Бальмонт в письме к Божо Ловричу 27 мая 1928 г. —

¹⁰ Первые два перевода, приложенные к письму: «Святой Савва» и «Смерть царевича Уроша».

¹¹ См.: *Россия и славянство*. № 14, 2 марта 1929: 4. В том же номере (С. 3) опубликовано стихотворение Бальмонта «Певцу русского гения Божо Ловричу» («Хвала тебе, хорватский побратим...»).

¹² Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 144. Л. 83. Драма Б. Ловрича *Сын* была опубликована в 1928 г. Бальмонт написал для сербского издания предисловие («Горный родник»), а также перевел эту драму на русский язык. Перевод и предисловие до настоящего времени не опубликованы.

¹³ *Последние новости*. № 2596, 1 мая 1928: 3.

¹⁴ *Россия и славянство*. № 14, 2 марта 1929: 3.

¹⁵ См. выше примеч. 7.

Я уже отметил разные песни, чтобы пропеть их на днях по-Русски» (Salzmann-Čelan 1979: 101).

С декабря 1928 г. в Париже начинает издаваться еженедельник *Россия и славянство* («орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности»). Особое внимание в этом издании уделялось взаимодействию славянских культур, в частности, — переводам современных поэтов и народной поэзии славянских народов. Не удивительно, что ведущим автором *России и славянства*, неоднократно выступавшим на страницах еженедельника со своими стихами, переводами, очерками и статьями, становится именно Бальмонт, певец «славянской идеи»¹⁶. Уже в третьем номере появляется его статья «Кроткий и смелый», посвященная чешскому поэту Яну Роките; в следующем номере — перевод с сербского, озаглавленный «Из святочных песен Славян. Молитва к Ангелам»¹⁷; 12 января 1929 г. — болгарская народная песня («Утеха любовная»); 19 января — сербская («Смерть Матери Юговичей»), а 26 января — статья «Что дают миру Славяне?», в которой приводятся строки хорватской и болгарской народных песен¹⁸.

Так, из отдельных публикаций в эмигрантской периодической печати (прежде всего в газетах *Последние новости* и *Россия и славянство*) сложатся со временем два сборника: *Югославянские народные песни* и *Золотой сноп болгарской поэзии: народные песни, переводы*. Вторая книга будет издана в Софии в 1930 г.; первая останется в рукописи.

*

Во второй половине 1928 г. Бальмонт начинает готовиться к поездке в Югославию (до 1929 г. — Королевство сербов, хорватов и словенцев). «Был бы счастлив приехать в Загреб в ноябре, — пишет Бальмонт Б. Ловричу 2 августа 1928 г. — К этому сроку много переведу с Хорватско-Сербского» (Salzmann-Čelan 1979: 102).

Путешествие началось в марте 1929 г. Накануне отъезда из Парижа Бальмонт прочитал в Сорбонне лекцию о народных песнях Литвы и Славии¹⁹. Заехав по пути в Любляну, где он прочел две лекции, и в Загреб, поэт прибыл 15 марта в Белград (по приглашению Русского научного института, созданного осенью 1928 г.). Пребывание Бальмонта в столице Сербии широко освещалось в местной печати, тем более что поэт несколько раз выступал публично (в Русском научном институте, Университете, ПЕН-клубе и т. д.)²⁰. «...Я читал там <в славянских странах. — К. А.> о русском

¹⁶ «Непраздный вскрик — Россия и Славянство» — с этой строки начинается написанное позднее «программное» стихотворение Бальмонта (*Россия и славянство*. № 77, 17 мая 1930: 3).

¹⁷ *Россия и славянство*. № 4, 22 декабря 1928: 1.

¹⁸ Этим очерком открывается книга Бальмонта *Соучастие души* (София, 1930).

¹⁹ «Он говорил о народной песне литовской, русской, сербской, хорватской, болгарской...» (Львов Л. «На лекции К. Д. Бальмонта». *Россия и славянство*. № 15, 9 марта 1929: 3).

²⁰ О пребывании Бальмонта в Белграде см. подробнее (с указанием публикаций и откликов в сербских газетах): Ђурић Б. «Гостовање К. Д. Бальмонта у Београду 1929

языке и его создателях, — вспоминал позднее Бальмонт, — о ликах женщины в поэзии и жизни, о Литовской и Славянской народной песне, еще и еще, и аудитория всегда была полна внимательными слушателями»²¹.

Находясь в Белграде, поэт встретился с А. И. Беличем и завязал отношения с В. Д. Брянским, возглавлявшим издательскую комиссию «Русская библиотека» (через несколько месяцев в этой серии появится стихотворный сборник Бальмонта *В раздвинутой дали. Поэма о России*²²). Очевидно, что уже в этих разговорах Бальмонт поднимал вопрос о возможности издания в Белграде сборника народных песен в своем переводе. Из Сербии Бальмонт отправляется в Болгарию, где неоднократно выступает перед слушателями, увлекая их пафосом «славянского единения». Оглядываясь после возвращения во Францию на свое трехмесячное путешествие, Бальмонт подведет ему итог и с гордостью напишет о том, что пронес через южные славянские страны слово о красоте славянской и литовской души, о красоте русского языка и, кроме того, —

слово о необходимости Всеславянского Единения и соединения сердечного Славян с прибалтийскими народами, дабы создать одну крепкую лучезарную цепь, где каждое звено было бы вольным, а все звенья своей упругостью отбросили бы прочь злые умыслы чело­веконенавистнических сил, ныне бесчинствующих в Европе, — много­ликое, полнозвучное слово пронес я по большому пространству от парижской залы Тюрга в Сорбонне²³ до Любляны в Словении, до Белградского университета в Сербии, до Загребского университета в Хорватии, до театра и Свободного Университета в Софии, где я увидел самые горячие лица Южных Славян, в Болгарии, волнуяще похожей на отчужденную мною Россию²⁴.

О том же говорится и в очерке Бальмонта «Славянское Дружество»²⁵.

*

Во всех странах, которые посетил Бальмонт за время своей поездки, он встречался с поэтами, учеными, общественными деятелями (некоторые имена упомянуты в очерке «Славянские впечатления. От Словении до Болгарии»). Об одной из встреч, состоявшейся в те дни, следует сказать подробнее.

К концу своего пребывания в Белграде (приблизительно 24–25 апреля) Бальмонт знакомится — видимо, при посредничестве А. И. Белича — с Иваном Шайковичем (1876–1948), сербским дипломатом, публицистом и поэ-

године (на материјалу дневне штампу)», *Славистика* 7 (2003): 328–335. То же — в кн.: Ђурић.Б. *Из живота руског Београда*. Београд, 2011: 124–134. См. также: Муравьев А. «Константин Бальмонт и деятели сербской культуры». <https://cont.ws/serbija-rusija/1395140>.

²¹ Бальмонт К. «Славянские впечатления. От Словении до Болгарии». *Россия и славянство*. № 27, 1 июня 1929: 2.

²² Книга вышла в 1929 г. Этот год значится на титульном листе (на обложке — 1930).

²³ Путешествие Бальмонта началось с лекции в Сорбонне 4 марта 1929 г. («Народные песни Литвы и Славии»).

²⁴ Бальмонт К. Д. «В отъединении. (Письмо из Франции)». *Сегодня* (Рига). 1 № 171, 22 июня 1929: 5.

²⁵ *Россия и славянство*. № 40, 31 августа 1929: 2.

том-переводчиком, свободно владевшим русским языком²⁶. Это судьбоносная для обоих встреча положила начало их многолетней переписке (1929–1938) и творческому общению.

Спустя год с лишним Бальмонт вспоминал:

Я познакомился с Иваном Шайковичем, и мы сразу подружились, в Белграде, в мое пребывание там весной прошлого года. Он устроил мне поездку в автомобиле по живописнейшим местам Сербии. Мы были вместе в Тополе, в Авале. Мы посетили Королевское имение, где посчастливилось увидеть достраивавшийся прекраснейший православный храм²⁷, в котором Русские Художники в мозаике воспроизвели Сербскую церковную живопись 14-го — 15-го столетий²⁸.

Стремясь привлечь внимание русских читателей к творчеству Шайковича, Бальмонт не раз писал о сербском собрате, его стихах и переводах (*Слово о полку Игореве, Калевала*)²⁹ и, кроме того, переводил его стихи на русский. Так, в текст очерка «“Новая Явь” Ивана Шайковича» Бальмонт включил четыре его стихотворения в своем переводе («Мысль», «Немая молитва», «Небесный бой» и «Чудо»); пять других были напечатаны в русском *Журнале Содружества* (Гельсингфорс, 1933–1938)³⁰; еще три — в еженедельнике *Россия и славянство*³¹. Два стихотворения, переложенные Бальмонтом («За мраком» и «Полет»), приведены в инспирированной им статье Н. К. Кульмана³². Еще одно стихотворение («Опавшие листья») опубликовано в наши дни (Азадовский 2018: 161).

Шайкович, в свою очередь, пытался познакомить Сербию с творчеством Бальмонта. В 1933 г. он написал посвященный Бальмонту очерк («Неколько речи о Бальмонту») и сопроводил его переводом пяти стихотворений: «Химна огњу» («Гимн огню»), «Из вечери у ноћ» («Из вечера в ночь»), «Лов на сенке» («Я мечтою ловил уходящие тени...»), «Покрај врела» («Зарождение ручья») и «Завет бића» («Завет бытия»)³³.

²⁶ В 1900-е гг. Шайкович служил при сербской миссии в Петербурге; преподавал сербский язык на балканском отделении Практической восточной академии (при Императорском обществе востоковедения). Издал *Практический курс сербского языка* (СПб.: изд. А. Л. Гарязин, 1912).

²⁷ Имеется в виду храм Георгия Победоносца в Тополе (на холме Опленец); там же находится храм-мавзолей Карагеоргиевичей.

²⁸ Бальмонт К. «Песня русской славы». *Россия и славянство*. № 92, 30 августа 1930: 4.

²⁹ Шайковичу посвящены (полностью или частично) следующие очерки Бальмонта: «Песня русской славы», «“Новая Явь” Ивана Шайковича» (Там же. № 109, 27 декабря. С. 2), «Польское и сербское отображение. Песни русской славы» (не опубликовано) и др.

³⁰ *Журнал Содружества* 3 (1934): 17 (стихотворения «Неисказуемое», «Наедине с <тишиной>», «Причастие земли» и «Воскресение»). Позднее в том же журнале (12 (1934): 12) было опубликовано стихотворение Шайковича «Боль и воля» в переводе Бальмонта.

³¹ Бальмонт К. «Трилистник. Из Ивана Шайковича. С сербского». *Россия и славянство*. № 223. 1933: 4 (стихотворения «Ветер», «Кроткая осень» и «Прислушивание»).

³² Кульман Н. «Новый сербский перевод Слова о Полку Игореве. Песма о воевану Игореву. Прево: др. Иван С. Шайкович». *Россия и славянство*. № 120, 14 марта 1931: 3.

³³ *Летопис Матице Српске* 349/1 (1934): 103–110. Незадолго до появления журнальной публикации Шайкович напечатал свой очерк отдельной брошюрой под названием *Константин Бальмонт* (Нови Сад, 1933).

Бальмонт приветствовал эти попытки Шайковича. «Что же до перевода каких-либо моих вещей на сербский язык, — писал он Шайковичу 11 сентября 1933 г., — я был бы рад видеть всего себя на сербском языке. Да ведь мало ли чего мы хотим. Что-н<и>б<удь> когда-н<и>б<удь> осуществится...» (Азадовский 2018: 172). Получив новый перевод, Бальмонт подвергал его тщательному разбору. Зная сербский язык, он вполне мог оценить работу Шайковича по достоинству. «А “Химна Огню!”³⁴, — восклицает он, например, в письме от 6 сентября 1933 г. — Как мастерски Вы перебросили русский напев в сербский! Ведь ударения, звукопадение, звукоударность совсем разные в сербском и русском. Однако же Ваши “потковице, потковице” — бегут, и Ваши “косе косозвонке, косе звонке” — косят, слышу звук косы! И “Завет бића”³⁵ передано совсем своеобразно» (Азадовский 2018: 171–172).

Эпистолярное общение Бальмонта с Иваном Шайковичем продолжалось до 1938 года (встретиться им более не довелось).

*

Как создавался сборник *Югославянские песни?*

Отправляясь весной 1929 г. в славянские страны, Бальмонт, видимо, взял с собой рукопись своих переводов сербских, хорватских и болгарских народных песен, к тому времени переведенных и отчасти опубликованных. А покидая Белград, поэт передал эту подборку В. Д. Брянскому, имея в виду возможность их публикации в «Русской библиотеке».

Что ответил Бальмонту Брянский, можно только догадываться. Во всяком случае, вернувшись во Францию, Бальмонт вскоре обращается к нему с просьбой:

Рукопись перевода Сербских песен благоволите доставить Ал<ександру> Ив<ановичу> Беличу, ибо с ним о ней у меня особый разговор³⁶.

Спустя более чем полгода, 2 февраля 1930 г., Бальмонт вновь пишет В. Д. Брянскому:

Рукопись Сербских народных песен в моем переводе, посланную когда-то лишь для ознакомления, прошу вернуть мне. Я занят сейчас переработкой и дополнениями моих переводов для Славянских поэтов³⁷.

Работа продолжалась, и 30 сентября 1930 г. поэт сообщал А. И. Беличу:

³⁴ Цикл из семи стихотворений Бальмонта, впервые опубликованный в московском альманахе *Северные цветы* в 1901 году (1901: 79–89), вошел в сборник *Будем как Солнце* (Москва: Скорпион, 1903). Шайкович перевел этот цикл полностью.

³⁵ Стихотворение Бальмонта («Я спросил у свободного ветра...») из сборника *Будем как Солнце* (1903).

³⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6793. Оп. 1. Д. 6. Л. 243. Открытка от 10 июня 1929 г.

³⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6793. Оп. 2. Д. 6. Л. 224.

Кончаю книгу «Югославянских народных песен» (Сербских и Хорватских), но не знаю, захотите ли Вы ее издать. Казалось бы, что требует того справедливость. Буду ждать от Вас слова (*От чужих к своим* 2016: 77).

Была ли рукопись доставлена Беличу, как о том просил Бальмонт еще в июне 1929 г., не вполне ясно. Во всяком случае, перечисляя в письме к Беличу 18 мая 1931 г. сборники (стихов и прозы), которые он надеялся опубликовать в белградском русском издательстве, Бальмонт ни словом не упоминает о *Югославянских песнях* (*От чужих к своим* 2016: 78).

В ноябре 1931 г. Бальмонт еще трудится над переводами. «На днях перевел (в нетопленной комнате) прекрасную сербскую былинку о Марке Кральевиче и отцовской сабле», — сообщал он Шайковичу 9 ноября 1931 г. (Азадовский 2017: 97). Однако уже через две недели, считая, видимо, свою работу завершённой, он пишет ему 22 ноября 1931 г.:

У меня накопилось небольшое, но содержательное собрание переводов: «Сербские и хорватские народные песни». Мне хочется их послать Вам. Я был бы счастлив, если бы Вы написали к этой работе предисловие и отослали ее в Белград (Азадовский 2017: 98).

Свою просьбу Бальмонт повторяет также в письме от 29 декабря 1931 г. (Азадовский 2017: 100).

«Большая честь для меня доверие Ваше: написать предисловие, — отзывается Шайкович, — но, к сожалению, я чувствую, что мне это непосильно. <...> Я также не знаю, в каком духе и размере Вы бы желали предисловие. Вот я прилагаю несколько экспромтом написанных слов. Может ли Вас это удовлетворить? Или это совершенно слабо и мало?» (Азадовский 2017: 99; письмо не датировано; видимо, конец декабря 1931 г.).

«Экспромт» Шайковича представлял собой краткую заметку под названием «Слово друга»:

Народная поэзия Сербов и Хорватов, привлекавшая когда-то особенное внимание бессмертных Гете и Шиллера очаровала еще одного поэта — великого поэта наших дней. Русский песенник, «маг славянского слова» К. Д. Бальмонт, жаждающая и чуткая душа которого приникла уже к хрустальным источникам, кажется, всех народов и всех времен, — ныне с особенной любовью зачерпнул из богатых ключей братской югославянской поэзии. Опытный, искусный Бальмонт, владеющий как мало кто даром понимания народного творчества, снова очарован:

Где Серб поет и пел Хорват,
Там Русский песенник так рад
К Славянским приникать основам³⁸.

В выборе образов Бальмонт следовал своему поэтическому чутью. Почуввав *Великое* в братской Югославской поэзии, он мимоходом, случайно-неслучайно (бывает ли вообще что-нибудь случайно?) срывал возвращенные на славянской *основе* цветы и сплетал из них, по своему вкусу, прекрасный венок. С единственным *бальмонттовским* чутьем и чародейством. Зажглись огни...

³⁸ Из стихотворения Бальмонта «Ивану Шайковичу (дата написания — 20 декабря 1931 г.). Опубликовано по автографу Бальмонта (Азадовский 2017: 99).

Сверкай же, пламя, светом новым!³⁹
 Еще одна, немалая, заслуга великого, великого Славянина, великого славянского Поэта-Будителя.
 В день Рождества Христова
 1931 г.
 Хельсингфорс

Иван С. Шайкович⁴⁰.

Сознавая всю недостаточность этого текста в качестве вступления к сборнику, Шайкович настоятельно советовал Бальмонту написать собственное авторское предисловие:

Мне казалось бы, что гораздо больше значения имело бы Ваше слово, хотя бы и беглое, о югославянской поэзии. К вашей оценке с громадным вниманием и благодарностью отнеслись бы сербы и хорваты, да и для русских читателей было бы Ваше освещение необходимым. Кто лучше Вас мог бы сказать, какое место наша народная поэзия занимает в мировой поэзии. По-моему, об этом не надо слишком много слов, а яркими штрихами набросать картину. Нет смысла мне как сербу об этом писать (письмо от 3 января 1932 г.)⁴¹.

О том же говорится и в письме Шайковича к Бальмонту (29 января 1932 г.):

Не могу я как серб говорить о достоинствах нашей поэзии и хвалить ее. Я могу говорить только о значении и ценности Вашего перевода. И повторяю то, что Вам сказал в прошлом письме: громадный интерес вызывало бы у южных славян — Ваше мнение, Ваше переживание, Ваша компетентная оценка. Вы должны сказать, чем Вы увлеклись. Вы меня поймете. Вот подайте мне руку: я напишу больше о Вашем переводе, а Вы напишете нечто цельное (не надо квантитативно много) о ценности югославянской народной поэзии, как Вам она выявилась (Азадовский 2017: 102).

Однако такого рода «предисловие» Бальмонтом, насколько известно, написано не было.

Пытаясь содействовать Бальмонту в издании сборника *Югославянские народные песни*, Шайкович готов был обратиться к известным ему сербским издателям. «Что Вы думаете о печатании сборничка? — спрашивал он Бальмонта в декабре 1931 г., откликаясь на его просьбу написать предисловие к *Югославянским народным песням* и отправить рукопись в Белград. — На каких условиях хотели бы дать издателю? Разве не напечатает то издательство, которое напечатало литовские песни⁴²? Я бы мог предло-

³⁹ Заключительная строка цитированного выше стихотворения «Ивану Шайковичу» (Азадовский 2017: 99). В оригинале: «Сверкай же, пламя, вспевом новым!»

⁴⁰ Там же: 100–101. Опубликовано по машинописи с правкой Бальмонта.

⁴¹ Там же: 102.

⁴² Отдельного издания литовских песен в переводе Бальмонта не появилось (известен лишь ряд газетных публикаций). Шайкович имеет в виду либо книгу: *Литовские народные сказки*. Вступ. очерк К. Д. Бальмонта. Перевод с литовского Ф. И. Шуравина (Рига: Школа жизни, 1930–1931), либо книгу Бальмонта: *Северное сияние. Стихи о Литве и Руси* (Париж: Родник, 1931).

жить *Словенской книжарџ* в Белграде? Я еще подумаю, кому и как» (Азадовский 2017: 99).

Однако все хлопоты Шайковича (если он и предпринял какие-то конкретные усилия, чтобы помочь Бальмонту с изданием) оказались безрезультатными. Не имели отклика и повторные обращения самого Бальмонта в Белград, куда он, судя по всему, отправил готовую рукопись. Ясно, что ни Белич, ни Брянский не проявили интереса к сборнику Бальмонта, а потому и не отвечали на его письма. Вероятно, их смущала явная «ненаучность» Бальмонта, смешавшего воедино сербские, хорватские и словенские песни, не видевшего между ними особых различий.

Глубоко уязвленный явным охлаждением к нему со стороны Русского книжного издательства, Бальмонт писал Шайковичу 1 декабря 1932 г.:

Белич не ответил мне на несколько писем. Больше писать я ему не стану. Дополнительных переводов сербских–хорватских песен у меня более нет. На каких бы условиях ни издали мою книгу Югославских Песен, я был бы счастлив. То, что Болгария издала мои переводы болгарских песен⁴³, а Сербия не издает мои переводы сербохорватских песен, тогда как Сербский Эпос гораздо сильнее, — и обидно по существу, и рисует меня (без моей в том вины) в неверном свете как поэта Славии (Азадовский 2017: 110).

Последующие месяцы не внесли перемен в сложившуюся ситуацию, и в письме к Шайковичу от 26 сентября 1933 г. Бальмонт снова жалуется:

Три мои книги⁴⁴, а с сербскими песнями и четыре, валяются в белградском издательстве, а чуть я Беличу напишу, он молчит как немой; чуть Брянскому напишу, он лживо пишет мне, что новых книг они сейчас не издают — и в это же время выпускает одну за другой не только книги Шмелева и Мережковского, но даже Северянина и Лукаша (Азадовский 2018, 173)⁴⁵.

О том же Бальмонт писал на другой день и В. Д. Брянскому, не упоминая, впрочем, о «сербских песнях»⁴⁶.

Не получая вестей из Белграда и не видя со стороны Белича и Брянского интереса к *Югославянским песням*, Бальмонт, видимо, потерял надежду на издание составленного им сборника. А тяжелый душевный недуг, настигший его в 1935 г., навсегда прервал его литературную деятельность. В своем последнем прижизненном сборнике *Светослужение. 1936 г. Август — 1937 г. Январь* (Харбин, 1937; републикация — Воронеж, 2005) Бальмонт — в списке книг, готовых к печати, — указал: *Югославские народные песни и былины (Сербия, Хорватия, Словения)*.

⁴³ Имеется в виду кн.: Бальмонт К. *Золотой сноп болгарской поэзии*. София, 1930.

⁴⁴ Имеются в виду книги *Шорох жути*, *Океания* и *Былинки* (ни одна из них не была издана).

⁴⁵ Упоминаются: И. С. Шмелев, Д. С. Мережковский, Игорь Северянин и И. С. Лукаш, чьи произведения были изданы в начале 1930-х гг. в Русском книжном издательстве (в серии «Русская библиотека»).

⁴⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6793. Оп. 1. Д. 6. Л. 211.

Лишь стояла да взирала в вышний ров,
 Как там с громом бьются девы облаков,
 Одолели сестры брата в бое том...
 Честь хозяину, чей дом — для гостя
 дом...

ОХОТА

Я поехал утром на охоту
 На коне своем, на пегом, добром,
 До зари еще поехал белой,
 А со мной мой сокол и борзый мой.
 Ехал я за дичью и наехал
 На такую в роще я зеленой,
 Девушка лежит и спит у яра.
 Спит она, лежит в тени глубокой,
 Клевер у нее под головою,
 На груди два голубя, два белых,
 На плечо оленица прильнула,
 Так постановил я по-юнацки:
 — Моему коню весь этот клевер,
 Соколу два голубя, два белых,
 Пегая оленица борзому,
 Девушка красивая — младому. —
 Только что с собой так говорю я,
 Девушка тут милая проснулась
 И меня целует в обе щеки.

ДВОЕ

Ой, девица, холеная роза,
 Как взростала ты, на что глядела?
 На сосну ли, как росла, смотрела,
 Может быть, на ель, что вознеслась так,
 Может быть, то был мой братик
 младший?
 — Ой, юнак, ты, яркое ты солнце,
 На сосну — росла, а не смотрела
 Ни на ель, что высоко взнеслась там,
 И не брат твой младший пал мне в очи,
 Так вот прямо для тебя росла я.

ЛИТЕРАТУРА

- Азадовский Константин (ed.). «Письма К. Д. Бальмонта к И. С. Шайковичу (1929–1932)». *Русская литература* 4 (2017): 70–112.
- Азадовский Константин (ed.). «Письма К. Д. Бальмонта к И. С. Шайковичу (1933–1934)». *Русская литература* 4 (2018): 159–190.
- Бальмонт Константин. *Зовы древности. Гимны, песни и замыслы древних*. Москва, 1908.
- Бальмонт Константин. «О жестокости». Бальмонт Константин. *Морское свечение*. Санкт-Петербург — Москва: издание Товарищества М. О. Вольф, <1910>.

- Бальмонт Константин. *Где мой дом: стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма*. Москва: Республика, 1992.
- Волков Владимир. «Славянская идея и русское национальное самосознание». *Славянский альманах 1998*. Москва, 1999: 5–16.
- Жила-была переводчица. Людмила Савицкая — Константин Бальмонт*. Москва: Новое литературное обозрение, 2020.
- Мрджа Ивана. «Письма Константина Бальмонта Александру Беличу». *Новый журнал* (Нью-Йорк). 268 (2012): 232–240.
- От чужих к своим. Письма выдающихся представителей русской интеллигенции начала XX века Александру Беличу/Сост., ком. и ред. Н. Благоевича, А. Мичич и И. Мрджи*. Общая ред. К. Ичин. Белград: Логос, 2016.
- Balmont K. *Jan Kasprowicz: poeta duszy polskiej*. Czestochowa, 1928.
- Salzman-Čelan Salzmann-Čelan M. “K. D. Bal’monts riefе an Božo Lovrić”. *Wiener slavistisches Jahrbuch* 25 (1979): 89–106.

REFERENCES

- Azadovskij Konstantin (ed.). «Pis'ma K. D. Bal'monta k I. S. Shajkovichu (1929–1932)». *Russkaya literatura* 4 (2017): 70–112.
- Azadovskij Konstantin (ed.). «Pis'ma K. D. Bal'monta k I. S. Shajkovichu (1933–1934)». *Russkaya literatura* 4 (2018): 159–190.
- Bal'mont Konstantin. *Zovy drevnosti. Gimny, pesni i zamysly drevnih*. Moskva, 1908.
- Bal'mont Konstantin. «O zhestokosti». Bal'mont Konstantin. *Morskoe svechenie*. Sankt-Peterburg — Moskva: izdanie Tovarishchestva M. O. Vol'f, <1910>.
- Bal'mont Konstantin. *Gde moj dom: stihotvoreniya, hudozhestvennaya proza, stat'i, ocherki, pis'ma*. Moskva: Respublika, 1992.
- Balmont K. *Jan Kasprowicz: poeta duszy polskiej*. Czestochowa, 1928.
- Mrdzha Ivana. «Pis'ma Konstantina Bal'monta Aleksandru Belichu». *Novyj zhurnal* (N'yu-Jork). 268 (2012): 232–240.
- Ot chuzhikh k svojim. Pis'ma vydayushchihsvya predstavitelej russoj intelligencii nachala XX veka Aleksandru Belichu/Сост., ком. i ред. N. Blagoevicha, A. Michich i I. Mrdzhii*. Obshchaya red. K. Ichin. . Belgrad: Logos, 2016.
- Salzman-Čelan M. “K. D. Bal’monts riefе an Božo Lovrić”. *Wiener slavistisches Jahrbuch* 25 (1979): 89–106.
- Volkov Vladimir. «Slavyanskaya ideya i russkoe nacional'noe samosoznanie». *Slavyanskij al'manah 1998*. Moskva, 1999: 5–16.
- Zhila-byla perevodchica. Lyudmila Savickaya — Konstantin Bal'mont*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.

Константин Азадовски

ЈУГОСЛОВЕНСКЕ НАРОДНЕ ПЕСМЕ: ИСТОРИЈА ЗБИРКЕ К. Д. БАЉМОНТА

Резиме

Чланак је посвећен преводу српских и хрватских народних песама, који је начинио выполненному К. Д. Баљмонт између 1928. и 1931. године, у време његове највеће заинтересованости за „словенску идеју“ и поезију словенских земаља, посебно Бугарске, Србије, Хрватске. Овде истражујемо историју превода који се сачувао откуцан на писаћој машини, али је остао необјављен, без обзира на сва настојања песника да га одштапа у београдској руској издавачкој кући.

Кључне речи: К. Д. Баљмонт, „словенско јединство“, И. С. Шајковић, српски језик, А. И. Белић, билина, песма, „Руска библиотека“.